

Карамболь

Покидающий этот дождь не замедлит шаг,
уходя — уходи. Махнет головою русой —
мол, айда-ка
со мною туда, где лишь тем грешат,
что жалеют шары, боясь ошибиться лузой.

Ты метнешься
послушно вдаль вдоль чужих полей,
где такой карамболь, а тут хоть реви белугой
в унисон сквознякам, причитающим: не болей,
раз играешь с руки, не жалуйся и бей в угол.

Пятый угол твоей страны с золотой канвой,
об которую бог прилежно сломал все иглы...
обними же меня на прощание — спит конвой
и бесстрашные мальчики снова играют в игры.

Он был последним (С. Т.)

Пишу тебе из будущей зимы —
теперь уж год, как ты не слышишь ветра.
Твой рассветы глубже на два метра,
надеюсь, не темней (?..), молчит об этом
усталый некто из зеркальной тьмы —
похоже, что не знает... Брат мой, где ты?..

А здесь — все то же, стынет время «ч»
в пустынных парках, снегом не спасенных,
и сталкеры теперь уже вне — зоны
и вне — игры, и город полусонный
укачивает звезды на плече,
а звезды — холодны. И непреклонны.

Трамвайных рельсов меньше с каждым днем,
пути — короче, время — безмятежней,
в том смысле, что, меняя гнев на нежность,
запуталось и претендует реже
на точный ход незагнанным конем.
И днем с огнем ты не найдешь подснежник

в окрестных недорубленных лесах, а жаль,
хотя давно — никто не ищет...
Плодятся тени, заполняя ниши —
не амбразуры. Каждый первый — лишний,
и с каждым снегом тише голоса
ушедших без причины — тише, тише...

Блаженны те, кто твердо верит — нас-то
минует посвист зыбкой тишины...
Некрепко спят, объевшись белены,
адепты веры в полумеры, тьмы
шаги все тише... Под окном тюрьмы
хрустят осколки звездного балласта.

Шаги — все ближе... Нет надежней наста,
чем ветром опрокинутые сны.

Молчать по-русски

Смотри, как часовой затянут пояс,
сибиряки живыми не сдаются,
из города опять уходит поезд,
они здесь никогда не остаются.

И было бы нисколечко не жаль, но
в далекие края из википедий
они увозят, просвистев прощально,
героев наших маленьких трагедий.

Ковчег плацкартный, междометий грозди,
в багажных полках сумки и разгрузки,
умеют с детства каменные гости
петь на попутном, а молчать по-русски.

Кто — семечек купив у бабы Клавы,
кто — загрузившись огненной водою,
они, беспечно сдвинув балаклавы,
делиться станут хлебом и бедою,

а то — хвалиться арсеналом скудным
трофейных снов про море, эвкалипты.
А ты стоишь под куполом лоскутным
и только повторяешь — эка, влип ты.

Всех где-то ждут в какой-нибудь Вероне,
за что же втоптан в снежный мегаполис
ты, белым обведенный на перроне?
Из города опять уходит поезд.

Соленый снег

Земля моя, впитавшая молитв
и горя на четыре жизни впрок,
куда ни наступи — везде болит
неблизкий свет,
нелегкий хлеб,
тяжелый рок.

Куда ни посмотри — везде метель
и, колокольчик как ни дребезжи,
из года в год все та же канитель,
и эту тоже надо пережить.

Когда ни оглянись — петляет след,
а ты все ищешь
свой последний путь,
не запираешь дверь на шпингалет,
и кто-нибудь придет когда-нибудь.

Спи, родина, набату вопреки,
детей своих растерянно обняв —
два берега у каждой есть реки,
мы встретимся у Вечного огня.

И я приду. Нам есть, о чем молчать
глаза в глаза в наш суетливый век —
всем тем, кому не спится по ночам,
кому все снится твой соленый снег.

Что ж ты так?..

дети стойких отцовских иллюзий
при делах и местах,
мы всего лишь усталые люди —
нас преследует страх

оказаться персоной де-юре
на веселом балу,
на пятнистое солнце прищурясь,
мы идем в кабалу

к тем, кто якобы знает ответы
на известный вопрос,
мы потерянно бродим по свету —
на излом, на износ

проверяем себя, на удачу —
так шальной пешеход
не смеется, не злится, не плачет
перед надписью «not...»

not at all, мы еще повоюем,
мы еще поглядим,
рассчитаем минуты до пули,
все еще впереди,

после долгого бега по кругу
тихо шепчем в ночи
незнакомому старому другу
не кричи, замолчи —

вещий сон, отпирающий души,
вспоминать не резон,
ты забудь, усыпай и не слушай
старых песен о том,

что нельзя в ту же реку и дважды
слишком много надежд
на непрочный кораблик бумажный,
что ж ты так безутеш...

Околоток

То ли кажется, то ли просто судьба такая —
улыбаясь все реже, молча ходить по кругу,
навернувшейся стрелке компаса потакая,
и нельзя повернуться
снова лицом друг к другу.

Он не твой, и не мой, и ничей,
этот город страха —
королевство пустых зеркал и луженых глоток.
Но, наверное, мы с тобой все же дали маху,
возвращаясь в свой вечно ветренный околоток.

Тут не снится никто, не то что жених невесте,
на путях тупиковых полчища черных кошек.
Мы остались почти последними в этом квесте,
кто не черпает теплый свет из чужих окошек.

И уже не вернуться, как ни вертись на месте,
умирать раз от разу проще, хоть и заметней.
Самолет наш бумажный мы отпускали вместе,
вон как он теперь лихо мертвые вяжет петли.

Снег без причины

вальсирующий февраль блистательно — неучтив
и... раз-два-три —
ты всерьез, что снегу нужна — причина?..
которую ночь мистраль в скрипичный речитатив
сливает дорожных слез просроченный капучино,
беснуется завирально в такт, но весна — почти

летейские льды в разлив уже подались — финал
подспудного па планет, пускающих в небо корни,
а ты говоришь — выросли, а ты говоришь — вина
и... раз-два-три —
нас здесь нет нежнее и непокорней,
февраль, как его ни зли, всех помнит по именам,

из полымя да в огонь закружит «padam... padam»
на белый билет в метель до талого — стопори же
непойманых нот вагон в горяющий Notre Dame,
не то — потеряться в Тель-Авиве, не то в Париже,
устан от шальных погонь по сбившимся проводам,

по белому норовишь взметнуться — снега, снега,
по спинам хрипящих лет скользнувшая мостовая,
мой сумрачный нувориш, куда нам теперь в бега
и... раз-два-три —
в ночь балет закончится, застывая,
а ты говоришь — Париж, а ты говоришь — Дега.

Обнять и плакать

И стал декабрь над городом. В лотках
дымятся шашлыки, но чай — не греет.
Старухи в наспех связанных платках
торгуют всякой всячиною, ею
они кормиться будут до весны
и умирать — безропотно и просто,
не выдержав безмолвной белизны...

Страна в сугробах, мы ей не по росту.
Ей — запрягать и снова в дальний путь,
спасать Фому, не спасшего Ярему.
Нам — на стекло узорчатое дуть
и пульс сверять по впадинам яремным,

где голову случилось преклонить,
а не случилось — так обнять и плакать.

Пусть шар земной за тоненькую нить
не удержать, так хоть стекло залапать.
Не нам стенать, что жизнь не удалась,
таким не одиноким в поле чистом —
здесь только снега безгранична власть
и снегирей, приравненных к путчистам.

Зима полгода, правила просты —
верь в свет в окошке, не в огни таможен
и просто чаще проверяй посты.
Ползи к своим, хоть трижды обморожен.

Мы — то же

Сергею Чернышеву

время бредить с разбегу да сеять чудес пелену,
в оцифрованном небе считая галактики, фиксы
или сны ворошить, в проливном затихая плену,
где залетным бореем болеют понурые сфинксы,

теплокровные буквы озябли, сбиваясь в стада,
затянули в зияющий омут центона весь космос,
и дежурный пророк непокорно горит со стыда,
замывая следы на затоптанном небе вязком,

за каленое слово казненных впотьмах октябрат,
но с лихвою в палатах уныло вещающих дождей,
это все сквозняки между делом листву теребят
там, где лютые сумерки до искупающей дрожи,

там, где первое слово саднит — высоко-высоко
на секунду роняющий свыше покажется ближе,
днесь великим могучим едва шевельнет языком
безутешная речь и, как не было, зарево слижет,

и в обугленных прописях — осень, усталым ужом
проползая по веку чужому, мы то же — мы тоже
ни словарных запасов запальчиво не сбережем,
ни паленых знамений нередко абзацы итожим,

да гори оно ясно спускаться в промозглый забой
за падучей рудой, обведенной по памяти мелом,
но послушай — звенит безутешно, зовет за собой
что есть мочи по ком бубенец на миру онемелом.

Полынья

*будто призрак из Кариота
в лоб целует тебя, и ты...*

Олег Горшков

Будто сверено — по запястьям,
по пульсирующей строке —
время обморочного счастья
путешествовать налегке,
не сгибаясь под гулкой ношей
отрихтованных жизнью фраз,
время хрупких чудес лотошных,
время найденных нами нас.

Колокольные перезвоны
изолгавшийся гонят век,
и курсируют эшелоны
неизвестно куда из грек —
не в варяги, но погорельцы
оседающих пеплом дат
заполошно считают рельсы
на истошном пути назад.

Левой-правой, сквозит удача
между крыльями воронья,
там, за окнами, кто-то плачет —
так смыкается полынья
над осипшими городами,
где стирали цветные сны
тени, выдуманные нами,
до пророческой белизны.

Пробираются, вязнут в тине
междометий чужих, скользя,
наши лучшие дни, пути не
выбирая — ни дать, ни взять —
войско павших за искушенье
не по нотам играть финал,
молча принявшее крещенье
в цепкой пасти второго дна.

Полководец забот потешных,
неумеющий — по воде,
аки посуху — ты утешь их
пенной сумерек зыбких, где
в ночь заброшенные картечью
перекрестной попятной лжи,
захлебнувшись прощальной речью,
тонут лучшие миражи.

Хоть налево тут, хоть направо,
все едино по кругу — в сеть,
на сбежавших идет облага,
мчатся в чертовом колесе
зимы, весны, стегая судьбы,
и метафор повинных плетъ
вьется исподволь — не убудет,
не посмеете — не успеть.

Попадется не тот, кто громче
бредит, принятый в хоровод,
и не те, по которым кормчий
правил волны нейтральных вод,
но, в расход отпустивший слово,
отворяющее сезам —
время хрупких чудес сурово
к солнцу, бьющему по глазам.

Будто прожито — по навету,
в беспросветной галиматье —
время лун, присягнувших свету,
по расстрельной чужой статье —
бесконечная волчья повесть
про бежавшего на ловца.
Сбиты лапы до крови, то есть —
не для красного жил словца?..

Еще бы

Едва устанешь медь с моста ронять —
и вот уж сеть мечтает отвисеться,
растет на листьях ржавая броня,
и к перебоям привыкает сердце.

Так осень постепенно входит в раж, но
неполной мерой мстит. Не оттого ли
здесь по утрам так холодно и страшно,
что не хватает — то любви, то воли,

то веры опрометчивой, то — сил...
ты мог бы пожалеть меня, малыш, но
ты сам из тех, кто по свистку тусил.
А колокольчик мой почти не слышно,

и блажь звенеть, не ведая — по ком я.
Скажи, кукушка, сколько нот осталось,
и кто в последний дом мой кинет комья,
и что такое осень, как не старость

в крапленном мертвым золотом аду?..
Господь прощает давящих на жалость,
так плачь, малыш, сойдешь за тамаду,
на плачущих все это и держалось —

наш странный век сливающихся чернила,
воспевших виртуальные трущобы,
где осень пусть прекрасна, но червива.
А нам еще бы времени, еще бы.

Западня

курам на смех дружок последние наши дни
вот и тени растут смотри достают до ставен
в этом поезде мы ведь странствуем не одни
у кого бы спросить куда же он нас доставил

стать последними из просившихся на постой
проповедовать от балды то любовь то ярость
нянчить город выдавший виды пустой-пустой
наше прошлое набродилось тут настоялось

замахнуть бы на брудершафт
не боясь прослыть
удивляться как будто вот ведь глаза разули
перекрестков твоих проспектов твоих послы
нахлебавшиеся сибиря твоей лазури

горе горькое в трижды треснувшей коже
мне тебя не обнять смотри — рукава защиты
не оставить следов вскипающих на жару
не помочь отыскать друг друга воды защиты

от нездешних молитв ползущих на запах дня
от унылых менял что радость дают по квотам
здесь последняя наша родина западня
а когда постучат мы даже не спросим кто там

Окно

Танцует польку в грязном саване зима, гонимая взашей —
нет, не видать мне тихой гавани,
хоть горизонт в сердцах зашей.
На медных трубах стынет патина, а город горд от непогод.
Но на гвозде — рубаха батина ничья уже который год.

Здесь под окном такая каша, что и вовек не разгрести,
и жизнью жизнь всего лишь кажется.

От запоздавшего «прости»

нелепо провисают реплики, не вписываясь в нотный ряд.

А за спиной моей — поребрики горят, смотрите, как горят.

Швыряет ветер искры в очи нам, не разжигаящим камин,
в ночь рассыпает по обочинам рябин мороженный кармин,
но не понять — по чьим стопам идти
сквозь город заспанный пустой.

Влюбиться в прошлое без памяти и не проситься на постой.

А ведь бывало так — позаришься на огонечек, дернет черт,
и снятся сотню лет пожарища, и Обь под камень не течет.

Так пусть зима танцует, смертница,

мы с ней, похоже, заодно,

пока в ночи все так же светится родное мамино окно.

